

Ирина СИЛУЯНОВА

ИСКУШЕНИЕ КЛОНИРОВАНИЕМ.
ЧЕЛОВЕК КАК ПОДОБИЕ ЧЕЛОВЕКА.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II

© Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1998.

Содержание

Об авторе
Вступление
Предисловие

1. Испытание "верою в научно-технический прогресс"
2. Испытание "непорочным зачатием"
3. Испытание "бессмертием тела"

Приложения:

1. Заявление Православной Церкви в Америке «О совместных разработках в технологии клонирования»
2. Извлечение из проекта Федерального закона «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения»
3. Из итогового документа Соборных слушаний Всемирного Русского Народного Собора по теме: «Вера и знание: проблемы науки и техники на рубеже столетий»

Об авторе

Ирина Силуянова – кандидат философских наук, доцент, заведует курсом биомедицинской этики Российского Государственного Медицинского Университета. Автор книги "Современная медицина и Православие", широкого ряда статей, посвященных этическим проблемам биомедицинских технологий. Новая ее работа – "Испытание клонированием" – посвящена злободневному вопросу о клонировании: допустимо ли оно с точки зрения этики медицинской, общечеловеческой, а главное – с точки зрения Православия.

Вступление

Идея клонирования представляется мне чрезвычайно опасной. Ведь путь развития человеческой цивилизации может быть двояким. Один путь – это раскрытие в человеке образа и подобия Божия: в самом высшем искусстве – создании личности, в литературе, изобразительном искусстве, музыке. Другой путь – создание кощунственной пародии на то, чем человек может быть. Враг человеческого рода, как это известно из опыта Церкви, ничего нового придумать не может – он может лишь извращать и искажать ту прекрасную картину мира, которая создана Творцом. И в клонировании путь кощунственного пародирования достигает своего верховного предела. Ведь предпринимается попытка создать как бы человека, как бы образ и подобие Божие. Мы хорошо знаем, какими страшными последствиями оборачивались подобные попытки в истории человечества: от пороха пришли к атомной бомбе, от бытовой химии – к экологическим катастрофам и озоновым дырам.

Никто не знает, к чему приведут нынешние опыты по созданию недочеловеков. Не благоразумней ли, просто из естественного здравого смысла и чувства самосохранения, воздержаться от проникновения в такую сферу?

*Священник Максим КОЗЛОВ,
выпускник филфака МГУ,
настоятель Университетской церкви
святой мученицы Татианы.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мировой культуре хорошо известна судьба двух первых в истории человечества братьев Авеля и Каина. Второй сын Адама и Евы, Авель – "пастырь овец", был убит своим старшим братом Каином. Первое проявление зла – непослушание – следствием своим явило второе обличье зла, братоубийство. В конце XX века трагедия братоубийства приобретает новый смысл в связи с борьбой цивилизации за здоровье человека. Согласно идее технологического клонирования (тиражирования, копирования) человека, "клон" – генетический брат-близнец человека – создается для того, чтобы быть убитым с целью сохранения здоровья "старшего брата". Каин "в законе" – так символически можно определить перспективу нового правопорядка, основанием которого является "непослушание" как "право человека" и нежелание "слышать" Благовестие.

Трудно назвать периодическое издание в России, которое не приняло бы участие в обсуждении перспектив применения технологии клонирования. Каждое уважающее себя средство массовой информации, будь то журнал, газета, радио- или телеканал, уже предоставило возможность специалистам и разного рода любителям вступить в разговор на эту тему. Внимание к тому, как и по каким направлениям разворачивается обсуждение проблемы клонирования человека – далеко не праздно. История религии, культуры и

науки свидетельствует, что дискуссии сегодня – это "линии" человеческих судеб завтра.

Для православного человека очевидно, что даже сам факт подобной дискуссии, т.е. раскрытие и обоснование различных антихристианских позиций, говорит о том, что клонирование – это своеобразный вызов христианской морали, повод отступить от убеждений, изменить вековым принципам. Первой формой духовной измены Богу было именно вступление Евы в общение с искушителем. Но может ли христианин промолчать, уйти от дискуссии, принимающей едва ли не вселенский характер? Не означал бы отказ христианина от дискуссии то же, что побег воина с поля сражения, или отказ врача от помощи тяжело больному человеку?

Сам факт, масштаб и характер обсуждения проблемы клонирования свидетельствуют о том, что затронуты действительно *"болевые точки"* самосознания человека... Весьма примечательно, что эти "точки" не являются собой некие новообразования, но "стары, как мир", мир человеческих страстей и искушений. Главные из них в следующих словах перечислил Апостол Иоанн: *"Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего"* (1 Ин. 2, 16).

"По учению христианской аскетики искушения попускаются Богом (Быт. 22, 1; Пс. 25, 2) для того, чтобы человек опытно убедился в своей нравственной немощи и в необходимости благодати Божией, а также как средство укрепления в добре через свободное, усилием собственной воли, преодоление искушения и отвержение предметов соблазна" (Иак. 1, 12) (1).

Мы предлагаем читателю порассуждать вместе с нами. Но при этом постараемся не допустить ошибки, аналогичной "второй измене Евы", а именно: не предпочтем стремления к знанию любой ценой – любви Божией как спасению от искушений.

Примечания:

1. Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1993, т. 1, с. 653.

1. Искушение "верою в научно-технический прогресс"

23 февраля 1997 года на свет появилось первое в мире искусственное млекопитающее – овца Долли. За технологией, с помощью которой она была создана, закрепилось название "клонирование".

Само слово "клон" греческого происхождения и в буквальном переводе означает "отросток". Большая медицинская энциклопедия определяет: "Клон – совокупность клеток, возникших в результате вегетативного размножения одной исходной клетки". Классическим примером вегетативного размножения является размножение амёбы, клетка которой делится, а каждая из двух образовавшихся делится вновь, образуя четыре, и так далее. В основе методики клонирования лежит модель размножения простейших организмов по типу "деление", при котором внутри клетки происходит деление генетического материала, а потом и самой клетки, что дает начало

одинаковым "дочерним" клеткам, или генетически идентичным клеткам, совокупность которых биологи назвали "клоном".

Современная культура с понятием "клонирование" связывает технологию размножения живых организмов, в результате которой из одной клетки получают генетически идентичные особи. Уникальная способность сохранения генетической идентичности при данном типе размножения составляет ее принципиальное отличие от других форм и методов искусственного размножения. Например, если с помощью искусственного оплодотворения *in vitro* осуществляется борьба за возможность возникновения жизни, то клонирование призвано "бороться" за возможность возникновения жизни *с определенными качественными параметрами*. Например, с параметрами тканевой совместимости "клона-донора" и "реципиента".

Мнения ученых-генетиков относительно технологической возможности клонирования человека сегодня не совпадают. К известному американскому профессору Р. Сиду, заявившему, что он готов приступить к опытам по клонированию человека, 6 марта 1998 года присоединились и российские академики Л. Эрнст и И. Кузнецов, которые на пресс-конференции в Государственной Думе заявили о технологической возможности клонирования человека. В тоже время профессор В. Тарантул, заместитель директора Института молекулярной генетики РАН, ставит под сомнение "чистоту" эксперимента Я. Вильмута – создателя овцы Долли, так как данный опыт, приведший к успеху лишь после 277 попыток, воспроизвести невозможно и "в настоящий момент в мире, кроме этой овцы, никаких клонированных из взрослых клеток животных нет. Возможно, эксперимент оказался удачным совершенно случайно" (1). Сам факт низкой результативности опытов Яна Вильмута – 277:1 – свидетельствует для многих ученых лишь о невозможности клонирования позвоночных из дифференцированных клеток взрослых животных. Не выдерживает научно-методической критики и отсутствие серии экспериментов, наличие которой является первым необходимым и достаточным основанием признания открытия научным сообществом, представители которого со своей стороны должны подтвердить данные исследования своей серией экспериментов, выполненных по методике, предоставленной им автором открытия.

Тем не менее, несмотря на скептическую позицию многих, одно убеждение объединяет всех ученых. Это твердая уверенность в том, что если удастся добиться повторяемости эксперимента, то это будет настоящая сенсация! самое уникальное открытие не только XX века, но и всей истории цивилизации! самое выдающееся достижение научно-технического прогресса!

С последней оценкой нельзя не согласиться. Действительно, клонирование как технология по сути своей является достижением не столько науки, сколько научно-технического прогресса. "Разве это не одно и то же – наука и научно-технический прогресс?" – с полным основанием

можно задать такой вопрос. В ответе на этот вопрос и заключается усмотрение сущности *первого искушения* клонированием.

Наука – это труд человеческого разума, стремящегося познать то, что его окружает и с чем связана его жизнь. "Христианство рассматривает науку как необходимый инструмент этой жизни" (2). На протяжении 19 веков человек, развивая и совершенствуя свой разум как поистине божественную способность, пытался понять мир в согласии с духовно-нравственным законом, в согласии с чувством ответственности, совести и любви, различая добро и зло. К началу XX века, питаясь мощным энергетическим потенциалом христианских ценностей святости жизни, милосердия, делания добра, наука, в частности медико-биологическое знание, приходит к ликвидации постоянно угрожающих человечеству факторов риска – эпидемий, инфекционных заболеваний. Наука прошла громадное расстояние и разгадала множество тайн. То, что было непостижимым, становилось доступным человеческому разуму. Достижения медицинской науки снижали детскую смертность, исцеляли болезни и "исторгали из когтей смерти ее преждевременные жертвы".

Но в XX веке многообразие успехов науки, имевших место за двадцать веков истории европейской культуры, вводят человека в искушение "житейской гордостью", которое в современной цивилизации, "бесспорно, с особой силой и откровенностью проявляет себя в *культе разума* – разума, естественно, "*ветхого человека*" (Еф.4,22), то есть разума, являющегося рабом своих страстей (похотей). Этот разум провозглашается миром высшей инстанцией в решении всех проблем человеческих. Он требует подчинения себе всех сторон духовной жизни" (с. 147). "Это противоречит Истине!" – вот что было главным аргументом вплоть до XX века, когда понятие "Истины" соединяло в себе Жизнь в смысле ее возможности, Путь в смысле нравственных принципов Евангелия, и Творца – "*Я есмь Путь и Истина, и Жизнь*" (Ин. 14, 6). "Это ненаучно!" – стало главным аргументом в XX веке, оставляя на обочине прогресса и "Путь и Истину и Жизнь". Научно-технический прогресс – это служение человека идолу "Разума", провозгласившего себя всем, что человека окружает ("все действительное разумно, а все разумное действительно") и всем, с чем связана его жизнь ("я мыслю, следовательно, я существую").

Ю. Крелин, хирург-писатель, категоричен и, к сожалению, типичен в своей категоричности: "Я – за клонирование". Он оценивает клонирование как "выдающееся достижение Разума... Лишь радуюсь, что человечество достигло очередного рубежа постижения природы" (3).

"Научно-техническая прогрессивность" означает принятие и восхищение *любым* достижением разума. Даже в христианское богословие проникает культ разума в виде суждений типа: "любые достижения науки лишь прославляют Творца нашего разума".

Православие признает, что мир един и создан Единым Богом Творцом Вседержителем. Это является основанием допущения, что истины веры и конечные выводы науки не должны противоречить друг другу. Но это

"идеальное" допущение не должно заслонять факта постоянной временности, условности "конечных", точнее, последних на сегодня, выводов науки. Если мы безоглядно примем клонирование как достижение научно-технического прогресса, не попадаем ли мы в ловушку принятия и приспособления к вере последних научных теорий? Не должны ли мы помнить, что наука в свое время, как всегда, уйдет вперед, и те, кто принимал "последние" достижения за "истину" и приспособлялся к ней, рискуют оказаться в конце концов ни христианами, ни учеными. Такая участь постигла, например, "верующих эволюционистов" (4).

Черета сменяющихся, противоречащих, отрицающих друг друга "последних открытий", включая и тупиковые модели – это нормальный способ существования науки. В связи с этим, вряд ли можно согласиться с суждением, что *"любые* успехи науки лишь прославляют Творца нашего разума". Отнюдь не любые. Вряд ли прославят Творца нашего разума методики фетальной терапии, основанные на уничтожении 20-недельной человеческой жизни в утробе матери. Вряд ли прославят Творца нашего разума теории, отрицающие вектор времени и в то же время пытающиеся описать предполагаемое начало ("большой взрыв") и конец ("большой крах") мира. Вряд ли прославят Творца теории о происхождении жизни, основанные на разрушении (мутации) и смерти (естественный отбор). Велик перечень теорий, которые не только не "прославляют Творца нашего разума", но и вообще сомнительны в своих претензиях на истинность.

Вера в научно-технический прогресс основанием своим имеет действительные успехи преобразующего природу разума человека. Но ведь нельзя закрывать глаза и на падения преобразующего разума, которые поистине чудовищны в своей действительности. Это и изобретение ядерного, биологического и т.п. оружия массового поражения, способного уничтожить жизнь на Земле за весьма ограниченное время. Как это ни парадоксально, но падения преобразующего разума наиболее глубоки в современной биомедицине, призванной охранять человеческую жизнь. Заготовка "запасных" зигот (5) и их последующее уничтожение – условие процедуры искусственного оплодотворения. Отрицательные результаты пренатальной диагностики – еще одно мощное основание "показаний" для искусственного прерывания жизни. Превращение человеческих зародышей в фармацевтическое "сырье" является условием фетальной терапии.

Православное христианство не против науки. Более того, слова Спасителя: *"Дела, яже Аз творю, и вы сотворите, и больше сих сотворите"* (Ин. 14, 12),- православное христианство трактует как призыв к делам человеческим, в том числе и к развитию науки и научных теорий. Но не "любых", а лишь тех, как учит преподобный Нектарий Оптинский, которые "не портят нравственность".

"Человек двухсоставен, духовно-телесен, и его нормальное бытие невозможно без соответствующей гармонии этих двух начал... Уже по этой причине, в силу единства духовной и физической природ в человеке взаимосвязь религиозного и научного знания естественна и необходима" (6).

Разрыв этой взаимосвязи и приводит к возникновению феномена "полу-науки". Слова св. Василия Великого в "Беседах на Шестоднев" о "полученных" его времени становятся все более уместными в наши дни: "Не имеют ли те, кто посвятил себя полу-науке, глаза сов, ибо зрение совы, проникающее сквозь мрак ночи, поражается великолепием Света" (7). Ф.Достоевский говорит о феномене "полу-науки" почти в апокалиптическом тоне: "Полу-наука, – говорит один из его героев, – есть невиданный прежде деспот, деспот, имеющий своих собственных жрецов и рабов, деспот, перед которым всякий преклоняется с любовью и суеверным страхом, нечто до сих пор невиданное, перед чем постыдно дрожит и трепещет наука" (8). Полу-наука максимально проявляет себя в современном научно-техническом прогрессе, деспотизм которого обусловлен отсутствием благоразумия, т.е. нравственной неполнотой разума.

Одним из проявлений этого "деспотизма" является вера в то, что научно-технический прогресс необратим, неизбежен, вечен, закономерен, не преодолим никем и ничем. Сама вера в научно-технический прогресс так сильна в современном человеке, что заслоняет собою вопрос о нравственной корректности той или иной поставленной наукой задачи, неизбежность и успех решения которой уже predeterminedены самой неизбежностью научно-технического прогресса. Например, член-корр. РАН А. Монин полагает, что научные исследования всегда шли и будут идти, любые запретительные попытки в отношении клонирования имеют ограниченный характер (9).

Современные естествоиспытатели в большинстве своем убеждены, что нельзя ограничивать науку. Почему нельзя? Потому что "прогресс науки остановить невозможно. Это не возможно ни инквизиторам, ни святым, ни КГБ и ФБР, ни парламенту и церкви. Прогресс науки – явление стихийное, подобное землетрясению" (10). Действительно, ну разве можно остановить землетрясение?

Данное сравнение не совсем корректно. Действительно, наука изучает природные явления, в том числе и стихийные, которые не имеют связи с волей и разумом человека. Но в то же время наука – это "чистое" (вспомним Канта) воплощение разума и воли человека. Именно этим отличается наука от религии и веры. Именно этим и интересна. Именно этим же и опасна. "Нам необходимо постоянно помнить, что несмотря на свои многочисленные и несомненные достижения, наука является делом не безошибочным и делается грешными людьми" (11).

Воля и разум человека, не ограниченные нравственным законом, действительно могут быть равномогущны стихийному бедствию, уничтожающему на своем пути все живое. Поэтому человек наделен Богом способностью предусматривать стихийные бедствия и по мере сил защищать себя от их разрушающего действия. В сейсмически неблагоприятных районах он строит дома по специальной технологии, выдерживает дистанцию между поселением и рекой, предусматривая ее разливы и т.д. и т.п. Одним из способов защиты от бедствий, которыми чревата наука как деяние человека, является соблюдение *нравственного закона*, который

открывает в *Откровении* и призывает человека к исполнению в *делании* религия. Особенно значимо соблюдение *нравственного закона* для человека-ученого, например, медика, исследующего и изучающего человека. Требования нравственности к ученому, исследующему и изучающему человека и человеческую природу, должны быть намного строже, чем к ученому, исследующему просто тот или иной природный процесс или явление. Обладая разумом и волей, человек, в отличие от всей остальной естественной природы, может *выбрать* как должное (путь "облагорожения человечества"), так и не должное (путь своеволия, духовного отпадения, что само по себе и есть зло). Человек, идущий по пути своеволия наперекор *естеству*, "порождает *противоестественное бытие* – чудовищ, воплощающих в себе ставшее в бытии благодаря человеку зло" (12). Возможность появления противоестественного бытия – чудовищ и уродств – неизбежное следствие несоблюдения *нравственного закона* при попытках преобразовать данную Богом естественную природу человека. Таким образом, выходя на путь социального признания научных достижений по клонированию человека, а об этом "выходе" свидетельствует политика, проводимая через такие телевизионные каналы, как ОРТ, РТР, REN-TV, общество должно быть готово к приему сотен, тысяч и т.д. уродцев.

Не будет ли это результатом того, что вера в научно-технический прогресс как для ученых, так и для многих людей, далеких от науки, в XX веке заменила веру в Бога? Не будет ли это результатом того, что человечество не смогло преодолеть искушения "похоти плоти", и обожествило Разум за то, что он согласился превращать "камни в хлеба" и обеспечивать человека всеми благами жизни? Главное отличие науки от "полу-науки" или "прогресса" в современной терминологии заключается в том, что он является действительно уникальным и самым мощным средством удовлетворения "похоти плоти". Вот и клонирование, как последнее достижение прогресса – это не просто еще одно свидетельство уникальных способностей человеческого разума. Средства массовой информации заверяют нас, что клонирование млекопитающих, как новая технология бесполого размножения, позволит в кратчайшие сроки создать новые породы скота, которые будут давать небывалые надои молока, невиданное количество мяса и при этом не будут требовать обременяющего человека ухода за ними. А клонирование человека наконец-то удовлетворит "похоть плоти" в ее самой сильнейшей страсти – бесконечного продления состояния "похоти плоти".

Православное христианство не против науки. Перед богословами, верующими учеными и философами стоит непростая задача преодоления ложных стереотипов общественного мнения, среди которых – известный атеистический тезис о несовместимости науки и религии, веры и разума. Святитель Филарет, митрополит Московский, освящая в 1837 году храм св. муч. Татианы при Московском Императорском университете, говорил: "Видно, что религия и наука хотят жить вместе и совокупно действовать к облагорожению человечества" (13).

Для религиозной философии нравственное самоизмерение науки – гарантия ее благоразумия. Сторонники "безбожной" науки, как правило, отмечают нравственные аргументы воцерковленных людей, называя их реакционерами, врагами науки, мракобесами. Кстати о мракобесии. Давно назрела необходимость разобраться с этим ходовым понятием и раскрыть глаза людей на очень интересный вопрос: "Кто есть кто?" В христианских представлениях бесы – духи зла, "враги невидимые" рода человеческого, антагонисты Троицы и ангелов (14). Противники нравственной позиции Православной Церкви в своем противостоянии Церкви явно не на стороне "Троицы и ангелов". Так кто же в таком случае мракобес? Нельзя не согласиться с о. Андреем Кураевым – "наша брань не против науки. Мы просто хотим, чтобы использование достижений науки было либо человеческим, либо – никаким" (15).

Примечания:

1. "Люди", март 1998, с. 36. 12
2. *А.И.Осипов*. Путь разума в поисках истины. М., 1997, с. 146.
3. Клонирование человека. "Известия", № 10, 21.01.1998.
4. *В. Мосс*. Православный подход к науке. "Православная жизнь", № 8, 1995, с.18.
5. Зигота – биологическая клетка, образующаяся в результате слияния двух половых клеток – гамет в процессе оплодотворения.
6. *А.И Осипов*. с. 145.
7. *В. Мосс*. с. 2.
8. "The Devils", Harmondsworth: Penguin books, 1971, p. 257.
9. *А. Монин*. Душа генетически не обусловлена. – "НГ-наука", №1, сентябрь 1997.
10. *М. Стуруа*. Доктор Сид – Галилей или Кеворкян? "Московский комсомолец". 15.01.1998, с. 3.
11. *В. Мосс*. Православный подход к науке. "Православная жизнь", №8,1995, с. 180.
12. *А. Н. Павленко*. Бытие у своего порога. М., 1997, с. 52.
13. Свет Христов просвещает всех. М., 1996, с. 4.
14. *С. С. Аверинцев*. Бесы. Мифы народов мира. М., 1980, т. 1, с. 169.
15. *Дьякон Андрей Кураев*. Наша брань не против науки. – "Православная беседа", №2, 1998, с. 30.

2. Испытание "непорочным зачатием"

Для католического мира клонирование обернулось серьезной богословской проблемой: будет ли наследоваться первородный грех людьми, появившимися без полового акта? Ведь для многих западных богословов центральным проявлением греха является зачатие, от которого рождается человек, а первоначальная сущность первородного греха есть половая похоть – змий возбудил в Еве блудное разжжение. "Слова покаянного (50) псалма:

"В беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя", получают истолкование в узком смысле, применительно к самому зачатию. Здесь утверждается почти субстанциональная порча естества: через врата пола не может родиться ничто чистое и святое уже потому, что это есть пол" (1). Именно это, почти субстанциальное, понимание порчи природы и влияния первородного греха привело к возникновению католического догмата о *непорочном зачатии* Пресвятой Девы, который был провозглашен в 1854 году. Согласно этому догмату Пресвятая Дева как бы механически изъимается из природы для своего предназначения.

Допустив "метафизическое", а точнее, догматическое "насилие над природой", католики оказались в весьма сложном положении перед реальностью технологического насилия над природой. И справедливо встает вопрос: если непорочность Богоматери допускается догматически изъятием из власти естества и вообще из общего порядка природы ее зачатия, то почему не допустить правомерность технологического творения человека без зачатия, и принять, таким образом, непорочность и "технологического зачатия" – клонирования – рассматривая его как разновидность "нового творения"?

Позиция Православия не соответствует ни "букве", ни "духу" католицизма. Православная Церковь чтит *зачатие* Богородицы особым праздником. В службе Зачатию Богородицы (Миняя месячная, декабрь) значит: "Новое небо во чреве Анны зиждется Бога Вседетеля повелением, из него же воссияет не вечернее солнце"... Канон, песнь 1: "Зачатие днесь, богомудрая Анно, твое празднуем, яко вместившую нигде же вместиаго начала еси". Природный, естественный характер зачатия Марии, хотя и вспомоществуемый благодатью, воспевается, как бы утверждая "*процесс внутреннего возрождения и выздоровления природы, центром коего и является Пресвятая Дева*" (2). "Православная Церковь чтит зачатие Богоматери, предвозвещенное ангелом "богоотцам" Иоакиму и Анне (подобно тому, как она чтит и зачатие св. пророка Иоанна Предтечи), но в то же время не изъимлет этого зачатия из общего порядка природы, не провозглашает его "непорочным" в католическом смысле (3).

Православный мир, не углубляясь в детали и механизмы передачи через половой акт "должных или недолжных удовольствий", скорее *сердцем*, скорее естественными склонностями: *стыдом, благочестием, совестью, благоговением перед Богом* – не принимает клонирования. Для православного человека клонирование – это скорее не серьезная богословская проблема, а серьезное искушение выйти на уровень массовой "святости" путем клонирования, указанного наукой и разумом. И "волки сыты" (соблюдены нормы аскетики – нет полового акта – нет и лазеек для передачи первородного греха) и "овцы целы" (соделаны стада невинных и чистых "святых"). Кстати, многие православные люди полагают, что не случайно именно овца (небезызвестная Долли) стала первым склонированным животным. Ох уж эти "случайные" совпадения и созвучия! "*Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут знамения и чудеса,*

чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вы же берегитесь" (Мк. 13, 22).

Не несет ли клонирование возможность особого прельщения для монашествующих как способ продлить свой род, сохраняя плотское воздержание? Возможность прельщения по вопросам пола обречена на "сквозную" историческую актуальность. На 1 Вселенском соборе в Никее была сделана первая попытка распространить полное плотское воздержание клира на всю Церковь. Тогда святой подвижник, сам строгий девственник, епископ из Фиваиды Пафнутий отстоял брак, "целомудрием называл соитие с законной женой", как справедливо напоминает о. Андрей Кураев (4).

С. Н. Булгаков полагает: "Лишь путем благочестивых браков и *брачных зачатий* можно было дойти до того Рождения, которое сотрет главу змея" (5).

Технология клонирования, изымая зачатие из общего порядка природы, обнажает онтологический смысл таинства брака. Когда член-корреспондент РАН А.Монин уверяет, что не надо бояться клонирования, так как невозможно тиражирование гениев преступного мира или маньяков, ибо "душа генетически не обусловлена" и ставит после этого суждения точку, то для многих естественно возникает вопрос: "Если душа генетически не обусловлена, то чем же тогда она обусловлена?" Логика православного мышления вряд ли может остановиться на суждении "душа генетически не обусловлена". Сильно пошатнулся, в связи с падением "революционной идеологии", и марксистский тезис о том, что душа (личность) обусловлена социальной средой. Так чем же обусловлена душа?

Ответ на этот вопрос определяет православную позицию по обсуждаемой проблеме.

Один из определяющих факторов "обусловленности души" – таинство брака, через которое "дается божественное основание для благодатной жизни" (6). Через таинство брака мужчина и женщина становятся "*уже не двое, но одна плоть*" (Мф. 19, 6). И это – тайна, "*тайна сия велика*" (Еф. 5, 32). Освящение союза мужчины и женщины описано в первой книге пророка Моисея: "*И благословил их Бог и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь*" (Быт. 1, 28).

Изымая зачатие из общего порядка природы, каждый окажется в состоянии логического противоречия, если допустит, что благословенный союз мужчины и женщины будет при этом сохранен. Какими же могут быть ближайшие, находящиеся в недалекой перспективе, социальные последствия признания новой формы искусственного размножения? Во-первых, любая форма искусственного размножения, будь то оплодотворение *in vitro* или клонирование, является "технологической" поддержкой инвертированных лиц (гомосексуализм мужской и женский). С возникновением технологий искусственного размножения совершенно перестает действовать старейший аргумент противников всякого рода инвертов: существование однополых семей невозможно признать в силу реальности нарушения ритмов рождаемости и угрозы невоспроизводства человечества. Получение

возможности размножаться для инвертированных лиц означает возникновение возможности распространения новых форм семейно-брачных (в частности, однополых) отношений и, соответственно, вытеснения традиционного моногамного брака. Во-вторых, новые методы искусственного размножения делают весьма реальной перспективу роста "неполных семей" и увеличение числа детей, рожденных вне брака и воспитывающихся в неполных семьях. В-третьих, новые методы искусственного размножения разрушают всю систему нравственных ценностей, обесценивая в первую очередь главную из них – ценность любви.

В этом плане весьма поучительным оказывается роман-антиутопия О. Хаксли "О дивный новый мир". В нем до логического предела разворачиваются возможности и последствия искусственного размножения людей по заданным параметрам. Законодательное признание искусственного размножения в новом Государстве имеет своим логическим следствием запрещение семьи, материнства, единобрачия. Они рассматриваются в новом обществе как источник сильных и нежелательных эмоциональных переживаний, душевной боли, и в результате – всевозможных болезней. Место "любви" в иерархии ценностей данного общества занимает понятие *взаимопользование*, фиксирующее презрение к достоинству человека и отрицание личной свободы. Нельзя не согласиться с наличием жесткой и непротиворечивой связи между отрицанием традиционной нравственности, распадом брака и искусственными технологиями зачатия.

Это еще раз обращает наше внимание на то, что естественное зачатие, как сотворение человека, освящено благодатию Божией. Как же описывается оно пророками?

"Ибо Ты устроил внутренности мои, и соткал меня во чреве матери моей... Не сокрыты были от Тебя кости мои, когда я созидаем был в тайне, образуем во глубине утробы... Зародыш мой видели очи Твои" (Пс. 138, 13, 15, 16). "Твои руки трудились надо мною и образовали всего меня кругом... Вспомни, что Ты, как глину, обделал меня... Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня, кожей и плотью одел меня, костями и жилами скрепил меня, жизнь и милость даровал мне, и попечение Твое хранило дух мой" (Иов, 10, 8-12).

При описании таинства создания человека в Библии используются физиологические понятия и образы. В то же время они свидетельствуют о событии всегда *большем* и *более* значимом, чем его физиологическая канва. Это *большее* раскрывается и в восклицании Евы при рождении первенца: *"Приобрела я человека от Господа"* (Быт. 4, 1). И в словах Христа, обращенных к Никодиму: *"Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше"* (Ин. 3, 7).

Данные слова свидетельствуют об истинном основании тварных существ – об их "обожении действием Божественных энергий" (7). Это выражение Лосский использует для описания присутствия Святого Духа в мире и приводит свидетельство св. Максима Исповедника: "Святой Дух присутствует во всех людях без исключения, как хранитель всех вещей и

оживотворитель естественных зарождений, но Он в особенности присутствует во всех тех, кто имеет Закон, указывая на преступление заповедей и свидетельствуя о Лице Христа... Ибо все не исполняющие волю Божию имеют сердце неразумное" (8)

Эти свидетельства чрезвычайно значимы. А. Ф. Лосев утверждал, что религиозные свидетельства, являясь своеобразной теоретической конструкцией, всегда соответствуют "устроению человеческой жизни на всех бесконечных путях ее развития" (9). Именно это определяет реальное место и непреходящее значение религии в жизни общества, по крайней мере, общества цивилизованного.

Находясь в реальности взрывоподобного прогресса в области генетики человека, в частности в области клонирования человека, нельзя недооценивать и другие конкретные культурно-исторические свидетельства. Например, в XIII веке в каббалистических текстах обсуждалась возможность создания искусственного человека по заданным параметрам. В сложном сплетении идей и символов за этой возможностью стоит реальность космической по своим масштабам власти над человеком. Этой властью "устраняется Бог".

В трагедии Гете "Фауст" при создании доктором Вагнером гомункула – искусственного человека – присутствует Мефистофель. В одном из своих писем Эккерману (1829г.) Гете говорит о существовании родства между Мефистофелем и гомункулом (10). Это родство опять же фиксирует негативное восприятие факта появления существа, созданного по воле человека. В романе О. Хаксли "О дивный новый мир" прямо описываются "плоды" создания людей по заданным параметрам. Генетические манипуляции с эмбрионами позволили "перейти из сферы простого рабского подражания природе в куда более увлекательный мир человеческой изобретательности", где "мы" (власть имущие – И. С.) "предопределяем и приспособляем, формируем" подготовленность к жизни людей в заданных "нами" кастах и одновременно "прививаем людям любовь к их неизбежной (выбранной "нами" – И. С.) социальной судьбе" (11).

К оценкам фантастов присоединяются и ученые. Профессор Жан Доссе, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1980 г.), констатирует: "В области генетики человека неразумное использование новых технологий может привести к катастрофическим последствиям" (12).

О каких катастрофических последствиях может идти речь при условии вхождения в соблазн и удовлетворения "похоти очей и гордости житейской"? Дерзнем отнести технологию клонирования как способа искусственного размножения с заданными, желательными для человека свойствами и параметрами, и к этому типу искушений. Анализ католического догмата о "непорочном зачатии" Пресвятой Девы ясно показал неразрывные скрепы, связывающие "природу зачатия" и степени возможного совершенства и несовершенства человека. "Похоть очей": стремление к физическому (не духовному!) совершенству – благосостоянию, процветанию и могуществу – давно известна культуре, как проявление "человекобожия". В конце XIX века

Ф.Ницше впервые поставил проблему человекобожия в антихристианском смысле. Устами Заратустры он предложил свою версию ее решения, призвав человечество к созданию "сверхчеловека". В философии Ф.Ницше четко обозначается принципиальная связь между идеей сверхчеловека и ситуацией "смерти Бога", символизирующей коренную ломку оснований культуры. Это – одно из возможных катастрофических последствий выхода на уровень "творения" человеком человека по своему, человеческому, "образу" и по своему, человеческому, "подобию".

Когда человек определяется как "образ Божий", то это определение фиксирует главную связь человека с Богом, признание отношений человека с Богом, факт призыва Бога к человеку. "Человек есть благодаря призыву Бога" (13). Что это за призыв? Это призыв к единению в любви, "называющей несуществующее как существующее" (Рим. 4, 17). "Человек есть личность и образ Божий в той мере, в какой он способен отозваться на обращенный к нему Божественный призыв, полный любви" (с. 109). Человек, осваивающий технологию клонирования человека, создает человека не по призыву любви, а по мотиву своих утилитарных целей. И в силу этого он не сможет создать свободное существо, личность, не зависящую от целей своего "ученого создателя".

Практически одновременно с Ф.Ницше Ф.Достоевский сформулировал идею Богочеловечества. С этого времени дилемма "Богочеловечество – человекобожие" становится ведущей для русской религиозной философии. В первой половине XX века она выглядела весьма абстрактно в форме интеллектуальных дискуссий на уровне журнальных публикаций и книг, издаваемых за рубежом. В первой половине XX века "челокобожие" – это, как правило, мнящая себя средоточием достоинств гуманистическая гордыня. В конце XX века на уровне биомедицинской практики она наполняется вполне конкретным содержанием. В конце века "челокобожие" – это стремление выйти на уровень "творения", т.е. создания живых организмов с желательными для человека свойствами.

Показательной в связи с этим является позиция С.Е.Моткова, автора и редактора издания "Советская евгеника", который еще в 1991 году полагал, что пришла пора использовать достижения генетики в целях государственной политики. Генетический груз, который ведет к биологической деградации населения, достиг в настоящее время критической точки. К биологической деградации, происходящей в результате загрязнения внешней среды, резкого ослабления естественного отбора по причине успехов медицинской науки, добавляется моральная деградация – расслабление воли и развитие порочных склонностей: алкоголизм, наркотики, разводы, самоубийства, преступность. С точки зрения С.Е.Моткова, одной из мер выхода из кризисной ситуации является прочное закрепление идеи искусственного отбора в государственной идеологии и политике. Государство должно начать проведение "евгенического эксперимента" сначала в небольшом городе, "постепенно расширяя территорию, охватываемую евгеническими мероприятиями".

Что же включают в себя евгенические мероприятия? Это – отбор граждан на основе психологического тестирования, медицинского обследования, сведений об успеваемости (школа, вуз) и т.п.; искусственное осеменение на основе отобранной спермы и т.п. Цель подобных мероприятий – повышение "умственных способностей населения" (14).

Профессор А.П.Акифьев, заведующий лабораторией механизмов мутагенеза Института химической физики им. Н.Н.Семенова РАН, полагает, что "сегодня в качестве важнейшей цели евгеники следует считать создание генофонда, наиболее благоприятного для здоровья, благосостояния и процветания человечества на основе методов, достойных человека" (15).

Данные образчики "человекобожия" мы приводим не только для того чтобы показать, как играет "похоть очей и гордыня житейская", но и для того, чтобы показать, что идеология клонирования имеет свою научную предысторию, а именно – евгеническую логику. Попытки выйти на биогенетический путь "благосостояния и процветания человечества" – не первые и не последние в культуре. Известным и показательным в этом отношении фактом отечественной науки было увлечение евгеникой Н.К.Кольцова, который в 30-е годы основал Русское евгеническое общество и журнал. Его разочарование и отказ от евгеники были связаны с осознанием того факта, что, например, критерий повышения "умственных способностей населения" не защитит общество от появления "криминальных талантов", а расовые критерии не уменьшат количества генетических дефектов. Да и обладает ли человек правом на селекцию себе подобных и "проектирование" тех или иных качеств человека? В границах "человекобожия" этот вопрос решается однозначно положительно. При этом благие намерения – улучшить больное человечество планируется реализовать, ориентируясь на самые лучшие человеческие качества.

Нельзя не напомнить, что суть "человекобожия" заключается в принципиальном различии и разделении "природного человека от духовного". Это разделение, по словам Н.Бердяева, и дает свободу творческого развития природному человеку, удалившись от внутреннего смысла жизни, от глубочайших основ самой природы человека" (16). Для философии "человекобожия" высшим идеальным измерением является сам человек и все "человеческое".

Но может ли "человеческое" и только "человеческое" выполнять функцию абсолюта, критерия, высшей идеи? Ф.Достоевский полагал, что даже если рассматривать "человеческое" как некий феномен, представляющий интересы рода, то идеала все равно не получится, ибо сумма равна слагаемым, со всеми их свойствами. Идеал, "высшая идея" является стержневым структурным элементом существования человека и общества.

Подлинным идеалом, качественно отличающимся от различных человеческих мерок, является Христос. "Христос был от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек", – утверждал Достоевский. Богочеловеческая природа Христа – это

онтологическая возможность и заданность нравственного совершенствования человека. Оно реализуется через свободное, духовное, "умное делание" человеком самого себя, постоянно корректируемое "божественным центром жизни". "Человекобожие" как попытка определить абсолютные критерии "лучшести" для самого себя из самого себя рано или поздно оборачивается разными формами субъективизма, который в лучшем случае приводит к фарсу, в худшем – к катастрофе.

Вторым катастрофическим следствием, на которое нельзя не обратить внимание, будет, в отличие от первого, совсем не глобальное явление, а весьма житейское, и не далекое, а очень близкое по времени своего обнаружения. Это появление большого количества уродств и рождающихся уродцев. Если овца Долли появилась после 277 неудачных попыток клонирования, то можно себе представить, сколько потребуется испытать женских судеб и сколько исковерканных в экспериментах детей появится на свет. Заместитель директора института Общей генетики РАН Е.Платонов утверждает: "Подсчитано, что удачное клонирование первого ребенка потребует не менее 1 000 попыток. Появится большое количество мертворожденных или уродливых детей" (17).

Общество должно быть готово к приему таких детей. А Церковь – к тому, чтобы крестить и причащать таких малышей. Отец Андрей Кураев справедливо замечает, что как ни странно, но этот вопрос поднимался и уже давно решен церковным преданием. В "Требнике" святителя Петра Могилы есть чинопоследование "О крещении дивов и ин чуд родящихся": "Аще чудо или див некий от жены родитися приключит, и аще образ человечесий имети не будет, да не будет крещен. Аще же в том недоумение будет, да крестится под твоею кондициею: аще сей есть человек, крещается раб Божий имярек во имя Отца и прочая".

Комментируя данный вопрос, о.Андрей полагает, что Церковь будет настаивать на признании "клонов" людьми, "чтобы не допустить проведения экспериментов над ними или разъятия их на "запчасти" (18). К сказанному можно добавить следующее. Человеческая сущность "клонов" вряд ли может быть определена биофизиологическими параметрами. В значительной степени она будет определяться нашим – человеческим или бесчеловечным – к ним отношением, нашим состраданием. Наша любовь может и должна не допустить признания их неполноценности, и, следовательно, стать их реальной защитой от потребительского, например, в целях трансплантации, истребления.

Грех, как известно, влечет за собой грех. Сама по себе палитра возможных последствий и "вторичных" чудовищных злоупотреблений копированием (например, создание человеческих "запасников" для целей трансплантации) обнажает "первичность" греховности или безнравственности клонирования человека. При этом нельзя не обратить внимание, что большинство ученых-генетиков, критически относящихся к новой технологии, связывают с нравственными аспектами клонирования нечто совсем другое.

Нравственная сторона проблемы клонирования заключается для них в том, что если в опытах с животными "так велико количество повреждений эмбриона и мертворождений, если не ясен вообще конечный результат, этично ли даже говорить о переносе эксперимента на живых людей?" Задавая такой вопрос, профессор Б.Конюхов, заведующий лабораторией генетики развития института общей генетики РАН, отвечает на него предельно ясно: "Переносить еще не решенную методически научную разработку на человека безнравственно" (19). "А если научная разработка будет решена методически?" – спросим мы. Неужели в этом случае методически отработанная технология станет нравственной?

Разве исходные цели и стимулирующие мотивы развития технологии клонирования, а именно – создание существ по интересующим "заказчика" параметрам, не безнравственны по своим основаниям? Действительно, создание человека по заданным параметрам, а именно в этом заключается "смысл" клонирования, изначально означает создание человеком человека с определенными качествами, для решения определенных исходных задач, следовательно, налицо потребительское отношение к человеку *как средству* их решения, а не отношение к ближнему по главной заповеди *любви*.

Православие отстаивает "невидимое существо" в "видимом существе" человеческой сексуальности, которая освящается в таинстве брака, становится проявлением "единомудрия и целомудрия" супругов, превращается в таинство любви, в "единомыслие душ и телес", в "реальное вхождение в сферу бесконечного бытия", "в противоядие смертности" (20). Несет ли в себе это "противоядие" клонирование, заменяющее материнскую утробу пробиркой и *праведность* беременности "суррогатным материнством"? Не содержит ли это "отрицание плоти", отрицание естественности конкретной анатомо-физиологической определенности *естественных* зарождений жизни, "ложной духовности" или просто греха?

Примечания:

1. С. Н. Булгаков. Свет невечерний. М., 1994, с. 235.
2. С. Н. Булгаков. Свет Невечерний. М., 1994, с. 239.
3. С. Н. Булгаков. Цит. соч., с. 238.
4. Наша брань не против науки. "Православная беседа", №2, 1998, с. 29.
5. С. Н. Булгаков. Свет Невечерний. М., 1994, с. 275.
6. С. Н. Булгаков. Православие. М., 1991, с. 244. 34
7. В. Н. Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991, с. 192.
8. Цит соч., с. 134.
9. А. Ф. Лосев. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976, с. 192.
10. И. В. Гете. Избр. произведения в 2-х тт. М., 1985, т. 2., с.678.
11. О. Хаксли. О дивный новый мир. М., 1989, с. 173-175.
12. Ж. Доссе. Научное знание и человеческое достоинство. "Курьер ЮНЕСКО", ноябрь 1994, с. 5.

13. *Х. Яннарас*. Вера Церкви. М., 1992, с. 109.
14. *С. Е. Мотков*. Советская евгеника. М., № 1, 1991.
15. *А. П. Акифьев*. Гены, человек, общество. М., 1993, с. 53.
16. *Н. Бердяев*. Смысл истории. М., 1990, с. 108.
17. Клоны наступают! Спасайся, кто может? "Комсомольская правда", 27.01.1998, с. 7.
18. Наша брань не против науки. "Православная беседа". № 2, 1998, с. 29.
19. Клонирование человека. "Известия", № 10, 21.01.1998.
20. *В. Н. Лосский*. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991, с. 247.

3. Испытание "бессмертием тела"

"В Москве организован комитет в защиту клонирования и бессмертия, объединяющий ученых-биологов и медиков. Комитет, по словам его председателя Сергея Бодрова, выступает за легализацию исследований по клонированию человека, причем, по мнению этих энтузиастов, только создание государственной программы по клонированию уже в ближайшее время сможет довести продолжительность жизни до 500 лет" (1).

"Метод клонирования людей в перспективе сулит возможность радикального лечения всех и вся болезней человека раз и навсегда методом заместительной терапии" (2).

Православному сознанию не обойти еще одно испытание на пути ознакомления с многочисленными интерпретациями сущности клонирования. Технологии клонирования до предела обнажили "гордость житейскую", которая в своих дерзких притязаниях вознеслась до возможности решить проблему бессмертия человека.

Член-корр. РАН В.Репин в своей публичной лекции "Биологическая революция: миф или реальность" в Политехническом музее 19 марта 1998 года попытался проинтерпретировать создание Евы из ребра Адама как клонирование и именно с этой технологией связал подход к решению проблемы бессмертия человека. Встречаются и попытки проинтерпретировать нетленность мощей святых как клеточный залог будущего Воскресения, механизм которого близок к клонированию – процедуре, обеспечивающей клеточное бессмертие.

Еще совсем недавно религиозная философия отчаянно боролась за идею бессмертия человека с агрессивной и "воинствующей" наукой, которая с не меньшим ожесточением боролась с верой в бессмертие человека как с весьма "вредной идеей", "вымыслом темных и беспомощных людей", суеверием и предрассудком, верой в несуществующие иллюзии. В качестве примера можно рассмотреть полемику И.А.Ильина, который в 1951 году писал: "Если отрицатели бессмертия скажут нам, что они "не воспринимают" этого бессмертного духа, то мы спросим их, неужели же они столь наивны, что считают субъективное невосприятие признаком небытия, и дефект личного

опыта критерием предметной реальности? Если уже физика показала нам, что есть звуки, неслышные человеку, и лучи, не доступные его глазу, то духовный опыт прямо начинает с нечувствительных реальностей. И если они сознательно ограничивают свой опыт чувственными восприятиями и предметами, то компетентность их в суждении о нечувственных или по крайней мере чувственно-недоступных предметах – оказывается ничтожной. Пока они будут упорно придерживаться границ своего элементарного, узкого и грубого опыта, им невозможно доказать или показать что-нибудь за его пределами, и наивно верить им на слово" (3).

Вера в бессмертие человека не относится к научным суждениям, основанным на определенном роде аргументах и не входит в компетенцию науки. Принимая этот принцип, фундаментально обоснованный еще Кантом, "полу-ученые", т.е. ученые атеисты, не читавшие Канта, все же не оставляют в покое по сути не их проблему. Более того, нельзя не отметить, что позиции материалистов от науки сегодня несколько изменились. Многие из них соглашаются с реальностью бессмертия и даже заявляют, что вплотную подошли к разгадке тайны человеческого бессмертия.

Таким образом, с одной стороны, современная биология подтверждает православное убеждение в том, что человек создан для бессмертия. Но с другой – только ли о клеточном бессмертии может и должна идти речь для православного человека? Здесь возникает вопрос и о качестве клеточного бессмертия: сохранится ли биологическая идентичность плоти после "воскресения мертвых" или произойдет ее перерождение? Большинство учителей Церкви склоняются к возможности ее перерождения, "по образу" перерождения плоти Христова в "тело духовное". "Он телом располагал уже не по законам природы, но сверхъестественно и духовно" (4).

Для современного биолога тайна бессмертия "заключена в шаровидной форме клеток" (5). Но и здесь не может не возникнуть вопрос: насколько это принципиально для бессмертия души и духа? И вообще, что такое бессмертие и о каком бессмертии идет речь в современной биомедицине? Многие естествоиспытатели сегодня отстаивают идею бессмертия, но при этом речь идет только о бессмертии тела.

Прогрессивно мыслящие ученые от медицины (в который раз на протяжении ее истории!) заявляют, что найдена, наконец, панацея от всех бед, и прежде всего от главных из них болезни и смерти. Панацеей на сей раз объявляется трансплантация органов и тканей или так называемая "заместительная терапия". Предшествующей панацеей было лекарство – искусственно созданная молекула, целью принятия которой было воздействие на поврежденную цепь химических реакций в организме, что со времен Парацельса, создателя фармацевтической химии, рассматривалось как сущность болезни. Новоиспеченные идеологи от медицины, проявляя типичное позитивистское мышление, отказываются от постановки вопроса о сущности и причинах болезни, так как "причин для возникновения болезни в организме оказалось слишком много". Они *предлагают идеологию ремонта человека с помощью "запасных частей"* (6). Называется и первая

историческая веха на пути создания нового понимания человеческих болезней, точнее, новых приемов борьбы с болезнями. Это 1901 год – открытие групп крови и начало массовых переливаний крови как первое массовое применение трансплантации тканей. Клонирование – ее последняя веха. Идеология "ремонта" сохраняется. Меняется лишь масштаб, принимая микроскопические формы. Наука выходит на уровень трансплантации клеток в эмбриогенезе. Развитие молекулярной биологии и генетики позволяет фрагменты материала наследственности (ДНК), принадлежащие одному организму, соединять *in vitro* с клеткой другого организма, придавая ей желаемые генетические свойства.

В.Репин утверждает: "Каждую эмбриональную стволовую клетку можно в определенных условиях превратить в целый зародыш. Каждую региональную стволовую клетку можно превратить в соответствующий орган без особых затрат. Стволовые клетки бессмертны. Это значит, что уже сейчас США обеспечили страну и нацию важнейшей биологической информацией (банки клеток – *И.С.*) на случай радиационной или космической катастрофы. Очень скоро такие банки уникальной биологической информации будут стоить гораздо дороже запасов нефти. Когда в течение следующих 20 лет транснациональные корпорации выйдут на создание и хирургическую пересадку "лабораторных" органов, наши врачи будут вынуждены платить за все более новые технологии лечения, либо благотворительные организации – собирать деньги на лечение двух-трех детей за рубежом" (7).

Таким образом, бессмертие понимается как состояние человека в периодически повторяемой, но вечной процедуре замены вышедших из строя органов органами "лабораторными". Но так понимаемое бессмертие есть лишь бегство от смерти, понимаемой в свою очередь как однозначно тотальное прекращение какого-то бы ни было существования, и борьба хоть за какое-либо существование. Это бегство от смерти внушаемо ужасом перед смертью и непримиримостью с ней.

Непримиримость со смертью понятна христианину. Но сам ужас, внушаемый смертью, понимается по-разному. "Христианство своим утверждением, что смерть ненормальна, что она победа дьявола в "мире сем", раскрывает весь ее ужас" (8).

Борьба за бессмертие как задача новых технологий стимулируется желанием избавиться от ужаса смерти как прекращения существования. Ужас же смерти для христианина не в том, что она прекращает существование, не в том, что она его "конец". Ужас смерти заключается в том, что разлучая человека с миром и жизнью, она разлучает человека с Богом. Но Иисус говорит: *"Иди за Мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов"* (Мф. 8, 22).

Бессмертие как цель новых технологий – бессмертие больных "мертвецов". Бессмертие для идеологов "ремонта" человека с помощью "запасных частей" человекоподобных существ – это превращенная форма инстинкта самосохранения, при этом самосохранение понимается как

высшая цель, для достижения которой все средства хороши. Такое "бессмертие" – бессмертие тела разрушает нравственный порядок.

Истина подлинного христианского понимания бессмертия неразрывна с истиной нравственной. И здесь нельзя не обозначить принципиальных различий между бессмертием тела, бессмертием души и бессмертием духа. Вслед за сократовским пониманием добродетели как знания о добродетели и платоновское "бессмертие души" было неразрывно с нравственным благом. Но все же платоновское понимание "бессмертия души", в рамках которого душа и тело – некие самодостаточные целостности, отличается от веры Церкви. Это отличие заключается в том, что Церковь "понимает бессмертие не как некое непостижимое в своем роде "выживание" после гибели тела, но как преодоление смерти через личностное отношение между человеком и Богом" (9). "Когда Церковь утверждает веру в жизнь вечную, речь вовсе не идет о некоем будущем "состоянии", в котором та или иная часть человека – его "душа" или "дух" – способны выжить после гибели тела. Вера Церкви есть убежденность в том, что наше существование обусловлено не естественной природой с ее психосоматическими свойствами, но связью с Богом, Его любовью к каждому из нас. Вера в жизнь вечную есть уверенность в неизменности Божественной любви, конституирующей наше бытие независимо от телесной и психической деятельности организма" (с. 110-111). *"Всякий живущий и верующий в Меня, не умрет вовек"* (Ин. 11, 26). *"Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную"* (Ин. 5, 24).

Именно поэтому возможность вечной жизни, с одной стороны, и, с другой стороны, "перспектива смерти учит человека "беречь день", жить достойно, из глубины, созерцать лучшее из сущего, радоваться всякому совершенству, богатеть духовным опытом, благодарить и радоваться полученным дарам" (10).

Для отличия искусительных трактовок бессмертия от подлинно христианского понимания бессмертия точнее употребить понятие "тайнорождение в смерти", которое использует И.А.Ильин. Раскрывая его, он пишет: "Смерть должна быть увенчанием жизни. Она должна явиться таким "концом", в котором уже сияло бы начало нового восхождения. Она должна быть последним шагом земного очищения, последним духовным испытанием и возрастанием человека, последним вопросом духовного познания и духовной любви, обращенным к Богу" (с. 413).

Сущность этого заключения можно свести к тому, что вечность человеческой жизни имеет своим основанием не "бессмертие тела" и не "бессмертие души", а духовную любовь к Богу, вечности которого принадлежит дух человеческий.

В то же время архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) полагает, что "вечная жизнь не будет только жизнью духа, освобожденного от тела души, а жизнью в новом Иерусалиме, который так ярко описал святой Иоанн Богослов в своем Откровении" (11). *"И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн,*

увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое." (Откр. 21, 1-5).

"Поэтому, братья мои, будем исполнять волю Отца, призвавшего нас к жизни, будем более стремиться к добродетели, оставя худую склонность, как предшественницу грехов наших; бежим нечестия, чтобы не постигло нас зло. Ибо если мы будем стараться делать добро, то водворится в нас мир. По этой причине не найти его тем, которые приносят страх человеческий, предпочитая здешнее наслаждение будущему обетованию. Не знают они, какую муку имеет в себе здешнее наслаждение и какую сладость – будущее обетование. И если бы они только одни это делали, то было бы сносно; но они постоянно внушают худые учения свои невинным душам, не зная того, что вдвойне примут осуждение: и сами они, и слушатели их" (12). Как своевременно звучит это II Послание к коринфянам Климента Римского, который был поставлен епископом Рима самим Апостолом Петром в 92 году! Поистине православное свидетельство вечно, вечно хранимым им Словом, спасительным для человека.

Наша постановка вопроса о клонировании человека – лишь начало разговора. Нет готовых и однозначных ответов на многие вопросы, да и само обсуждение этих вопросов может дать действительно неожиданные результаты, в том числе и те, что порой следуют за благими намерениями. Именно поэтому так важна со-работа богословия, философии и науки, чтобы "совокупно действовать к облагорожению человечества", особенно сегодня, когда развитие некоторых областей науки принимает столь небезопасный для общества и его морального здоровья характер.

Примечания:

1. Чтобы обессмертить россиян, нужно их клонировать. "Вечерняя Москва", 27 января 1998 г.
2. В. Пряхин. Джин выпущен из бутылки. "Независимая газета", НГ-наука, № 4, декабрь 1997, с.3.
3. И.А.Ильин. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993, с. 412.
4. Святое Евангелие от Луки с толкованием блаженного Феофилакта. М., 1997, с. 605.
5. В.Репин . За наше биологическое будущее! "НГ-наука", № 3, 1997.
6. В.Репин . "НГ-наука", № 3.
7. "НГ-наука", № 3.
8. Настольная книга священнослужителя, т. 8. М., 1988, с. 334.
9. Х. Ятарас. Вера Церкви. М., 1992, с. 110.
10. И. А. Ильин. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993, с. 412.

11. *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. Дух, душа тело. М. 1997, с. 133.[^]

12. Святого Климента, епископа Римского, к Коринфянам Послание II. – Настольная книга священнослужителя. т. 8, М., 1988, с. 795.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Заявление Православной Церкви в Америке о совместных разработках в технологии клонирования

Современное клонирование овцы от клетки взрослого животного открыло путь к клонированию любого биологического вида, включая и человека. Хотя никто не может препятствовать научным поискам и экспериментам в этом направлении, возникает вопрос, должно ли правительство США запретить или регулировать эту деятельность и предоставлять общественное финансирование.

Представители Православной Церкви во всем мире остаются верными строгости понимания сакральности человеческой жизни: каждый человек создан как уникальная личность "по образу Божию". Поэтому подавляющее большинство православных генетиков настаивает, что все формы евгеники, включая и манипулирование с человеческим генетическим материалом вне терапевтических целей – в нравственном отношении отвратительны и угрожают человеческой жизни и благополучию.

Различные технологии клонирования, использующие животных, развиваются уже более десяти лет, обещая продлить человеческую жизнь благодаря созданию новых лекарств, белков и других полезных веществ. Такие усилия заслуживают общественной поддержки и финансирования. Однако перспективы человеческого клонирования порождают призрак "наклонной плоскости" в наиболее зловещей форме. В падшем мире, где права перевешивают ответственность, использование технического клонирования человеческих клеток неизбежно приведет к злоупотреблениям: коммерциализации "первичных" ДНК, производству детей с целью получения "запасных частей", движению в направлении создания "высшего" класса человеческих существ. Более того, в настоящее время ученые не в состоянии определить, содержит ли отобранная клетка в себе мутации или другие дефекты, которые могут привести к калечащим уродствам или задержкам в умственном развитии у клонированного ребенка.

В свете этих фактов Православная Церковь в Америке настойчиво советует, чтобы правительство запретило эксперименты по производству человеческих клонов и не рассматривало проектов финансирования подобной деятельности. Мораторий на такую деятельность крайне необходим.

Православная Церковь в Америке. Пресс-релиз: 11 марта 1997

Перевод с английского Ирины СИЛУЯНОВОЙ

2. Извлечение из проекта Федерального закона "О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения"

РАЗДЕЛ III.

Гарантии обеспечения биоэтики в вопросах, связанных с геномом человека

Статья 20. Свобода от дискриминации

В Российской Федерации запрещается любая форма дискриминации по признаку наследственности.

Статья 21. Генетические тесты

В Российской Федерации гарантируется доступность генетического тестирования в интересах здоровья каждого, желающего пройти такое тестирование.

Тесты, устанавливающие возможность генетического заболевания или служащие для идентификации субъекта как носителя изменения (мутации) гена, вызывающего болезнь, либо направленные на обнаружение генетической предрасположенности или подверженности болезни, могут производиться исключительно в целях охраны здоровья тестируемых или научных исследований, связанных со здравоохранением.

Указанные тесты проводятся только после соответствующей генетической консультации, устанавливающей их целесообразность, с информированного согласия пациента.

Пренатальный диагноз, устанавливающий наличие наследственной болезни, не должен рассматриваться врачом как основание для прерывания беременности по медицинским показаниям.

Врачи, полагающие, что контрацепция, стерилизация и искусственное прерывание беременности противоречат их принципам и убеждениям, могут отказаться также от проведения генетических тестов. Однако, во всех случаях, врач обязан предупредить будущих родителей о возможности возникновения генетических проблем и посоветовать пройти генетическое тестирование у компетентного специалиста.

Статья 22. Вмешательство в геном человека

Вмешательство в геном человека может осуществляться только в профилактических, диагностических или лечебных целях при условии, если оно не направлено на введение изменений в линию клеток воспроизводства человека (половых клеток) и тем самым не вносит изменения в геном его потомков.

Запрещается клонирование людей, т.е. любое вмешательство, направленное на создание человека, генетически идентичного другому человеку (имеющему с ним одинаковый набор генов), независимо от того, жив он или умер.

Во избежание негативных последствий для здоровья людей, в том числе межвидовой передачи болезней животных человеку, не допускается деятельность по созданию трансгенных животных с генетическим материалом человека и использование таких животных в целях трансплантации.

Вмешательство в геном человека в каждом конкретном случае осуществляется на основе заключения комиссии врачей-специалистов в области медицинской генетики и репродукции человека, работающих в государственном (муниципальном) учреждении здравоохранения, имеющим выдаваемую федеральным органом здравоохранения лицензию на подобного рода медицинскую деятельность.

Все методы вмешательства в геном человека подлежат обязательной экспертизе Федерального комитета по биоэтике и с учетом ее результатов допускаются к применению федеральным органом здравоохранения.

3. Из итогового документа Соборных слушаний Всемирного Русского Народного Собора по теме: "Вера и знание: проблемы науки и техники на рубеже столетий".

[...]Религиозное постижение мира как творения Божия не отрицает правомерности научного познания его закономерностей. Противостояние же науки и религии наблюдается в тех случаях, когда они формулируют ультимативные суждения о предметах, выходящих за пределы их ведения.

Условием плодотворного взаимодействия представителей науки и религии является признание естественных возможностей и границ данных сфер духовного и интеллектуального труда человека. История свидетельствует, что нарушение этих пределов, с какой бы стороны оно ни исходило, наносит существенный ущерб духовному развитию человеческого общества, создает предпосылки для внедрения и распространения оккультизма, суеверия и тоталитарных сект. Сегодня необходимо настаивать на тактичном, бережном отношении науки и религии к пограничным проблемам их деятельности.

В истории имели место примеры как вторжения религии в сферу научного познания, так и претензий науки на роль единственного источника знаний. Горький опыт уходящего века показывает, что вытеснение религии на периферию человеческого бытия во многом предопределило кризис современной цивилизации.

Перед современным религиозным сознанием, в первую очередь православным, стоит задача: утверждение границ религиозного и научного опыта и противодействие неправомерной экспансии наукоцентричного мировоззрения [...]

Наука давно стала мощным инструментом, преобразующим окружающий мир, но она же таит в себе опасность для человека. Особенно актуальным является вопрос о необходимости введения определенного моратория на практическое применение открытий теоретической науки,

представляющих реальную угрозу существованию человечества и всепланетарной жизни. Представляется целесообразным провести международные слушания по теме "Нравственные основы научного служения". Принцип "не навреди" должен стать категорическим императивом ученого, осознающего свою ответственность перед Богом и людьми.

Такое самоограничение деятелей науки не может быть результатом внешнего принуждения. Оно должно быть добровольным, проистекающим из определенных нравственных установок. Но от того, как будет решаться этот вопрос, в значительной мере зависит само существование человечества. Таким образом, никогда еще на всем протяжении истории с такой силой и наглядностью не вставал вопрос об определяющем влиянии духовного фактора на жизнь человека и общества.

Поэтому столь важно духовное окормление православных ученых, в особенности сотрудников крупных научных центров, которые работают над проблемами, потенциально опасными для человечества. Речь идет в первую очередь о геномной инженерии, информационных технологиях, психотехнике, ядерных исследованиях и технологиях и многом другом...